

ПИЩЕВОЙ КОД КАК СИМВОЛИЗАЦИЯ ПИЩЕВОЙ ТРАДИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ)

Статья посвящена этнолингвистическому анализу пищевой традиции и способам перевода ее элементов в код культуры.

Ключевые слова: традиционная культура; диалект; код; пища.

Пища, еда, продовольствие, продукты потребления, припасы, провизия, провиант, снедь, съестное, стол, харчи, кушанье, яство, лакомство и т.д. – члены данной лексической парадигмы отражают разные интерпретации той стороны бытия любого организма, которая связанная с его телесностью. Еда – неотъемлемая часть повседневности. Философы, однако, считают ее не только средством удовлетворения витальных потребностей, но и процессом постоянного воссоединения человека с миром природы. С другой стороны, приготовление пищи является уже феноменом культуры, а не природы, следовательно, той гранью, которая отделяет человека от животного.

Социум с детства формирует у человека пищевые предпочтения, и в ряде случаев они являются ярким половозрастным и этническим маркером. Маркируя представителей «своего» и «чужого» миров, пищевая традиция (далее – ПТ) становится мощным средством консолидации этноса. Таким образом, ПТ ярко демонстрирует тот факт, что разделение культуры на материальную и духовную – только условность, принятая исследователями. Сама же ткань культуры синкретична по своей сути, как и действительность.

Исследование разных аспектов отечественной ПТ имеет длительную историю. У его истоков стояли описательные по сути работы И.П. Сахарова, А.В. Терещенко. Элементы ПТ были рассмотрены в фундаментальной книге Д.К. Зеленина по восточнославянской этнографии. Современные подходы к данному материалу представлены в работах Т.А. Агапкиной, А.В. Гуры, В.Е. Добровольской, Н.И. Костомарова, Л.С. Лаврентьевой, Е.Е. Левкиевской, В.А. Липинской, Е.А. Самоделовой, А.Б. Страхова, И.В. Сохань, О.М. Фрейденберг, Н.В. Щениковой и др. В этнолингвистическом и лингвокультурологическом аспекте славянскую ПТ анализируют Т.Б. Банкова, Е.В. Беленко, Е.Л. Березович, Н.Е. Грушко, С.М. Толстая, Е.А. Юрина и др.

Русская ПТ формируется в течение веков, в этом процессе задействована вся денотативная сфера, связанная с пищей. В рамках данной работы ПТ понимается как исторически сложившиеся формы деятельности и поведения, связанные с добытием и приемом пищи, в совокупности со знанием людей об элементах культуры питания, опыт сохранения и передачи этих действий и знаний из поколения в поколение. В ПТ включены следующие разнородные с точки зрения онтологии и аксиологии элементы и их имена: 1) продукты и блюда; 2) кухонная утварь и инструменты; 3) способы приготовления пищи; 4) ритуалы трапезы; 5) функции, выполняемые различными составляющими ПТ. Традиция опредмечивается через совокупность языковых средств, образуя ряд семантических полей.

Любая ПТ – сложная семиотическая система, включающая в себя несколько уровней от физиологического до эстетического и от сакрального до профанного. Экспликация культурно-национальной значимости семиотического образования достигается на основе и бессознательного, и осознанного соотнесения этого «живого значения» с кодами культуры, которые известны человеку [1].

В работах Т.Б. Банковой, Е.Л. Березович, Т.И. Вендиной, В.В. Красных, Г.А. Левинтона, В.Н. Телия, Г.В. Токарева, С.М. Толстой, Т.В. Цивьян и др. культурный код выступает как знаковая реализация архетипов сознания. В.В. Красных уподобляет код некой «сетке», которая, будучи наброшенной на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует его: «Можно сказать, что коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [2. С. 146]. Национальная культура поддерживается последовательным функционированием различных кодов в духовных и производственных практиках этноса, единых по своему содержанию, моделирующих мир с позиции человека. Их содержательное единство, по мнению Т.В. Цивьян [3], означает возможность перехода от одного кода к другому.

Примем в качестве исходного положение о том, что «культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [4. С. 9]. Из него следует, что код предполагает вторичное использование знаков, уже имеющих закрепленное за ними первичное значение. Природа первичных знаков различается: это могут быть действия (акциональный код), вещи (предметный код), природные объекты (растительный, животный, астральный коды) и другие проявления действительности (цветовой, звуковой, одорический и т.п.), а также слова, сверхсловные единицы и тексты (языковой код). В последние десятилетия исследователи [3, 5, 6] пришли к разделению субстанциональных и концептуальных кодов. Первый тип вычленен на основании общности плана выражения – материальной природы знаков, составляющих код; второй – на основании смысловой общности элементов (концептов, идей, мотивов), которые могут соотноситься с разными материальными воплощениями смысла. Любой концептуальный код может одновременно воплощаться в разных субстанциональных кодах.

Итак, первичные элементы ПТ, получив вторичное значение, создают пищевой (в других терминах «кулинарный», «гастрономический») код культуры (далее – ПК). Представляется, что ПК относится к концептуальным кодам, поскольку он репрезентируется через вещный и языковой уровни.

Закономерно встает вопрос о том, все ли элементы ПТ могут развить вторичное значение? Еще в начале

XX в. деятельность человека, не направленную на удовлетворение материальных потребностей, рассматривали как необязательную (Р. Хортон, Л. Леви-Брюль, В. Гуд и др.). Затем стало ясно, что потребности коллектива носят не только утилитарный, но и символический характер и последние определяют его материальные нужды. Несмотря на общее обмирщение современной цивилизации [7, 8], в ПТ также сосуществуют утилитарные и экстраутилитарные функции.

Элементы ПТ, выполняющие только узко практические функции, не могут обрести вторичный смысл. Символическая роль того или иного элемента ПТ реализуется прежде всего в обрядовой деятельности. Включение ПК в обряды самых разных типов свидетельствует о его «высокой моделирующей способности, семиотической (а отнюдь не только практической) нужде в нем» [7. С. 216]. Особый статус ПК предопределен двойственной сущностью пищи. С одной стороны, пища не просто материальна, она поддерживает материальность, телесность любого живого существа. С другой, трапеза сопровождает не только повседневность человека, но и его социализацию, которая закрепляется посредством обрядов перехода. Так, в русской традиционной культуре родины включают обряд «бабы каши»: *Раньше же в деревне рожали, кода родит и бабушка ета. Родиха родит ребёнка, и всё уж. И ребёночка бабушка, и родиху – всё сделает. Истопят баньку, ребёночка вымоют, родиху, а тогда уж. Тогда руки размывает мылом, и покормят её бабы, угостят*¹. Крещение сопровождается застольем: *Обмыть надо то именины, то хрестыбныи*. Свадьба непременно влечет за собой брачный пир: *Поезд подъезжает, стол уже собран, невеста сидит за столом. На столах рыбы много было, была и красная: стерлядь, налимы, чебаки, шипуки; Раньше на свадьбе что? Пельмени, котлеты, голубцы, мясо тушёное, всё такое мясное, мясное, мясное. А похороны в культурной норме не мыслимы без поминальной трапезы: На похороны много народа собирается. Стряпнат, вино припасат, [...] последний след кладут веточками. Даже сакральность того или иного периода с позиции христианской церкви маркируется среди прочего строгостью предшествующего поста: И вот они постовали. Боже спаси, чтобы молодсно поцсь; Мясоед – пост пройдёт, можно есть скоромное: мясо, творог, сметану.*

Элементы ПТ, однако, могут иметь символический характер не только в рамках обрядов, но и в границах профанной обыденности. Например, вещи могут быть и собственно вещами, и знаками [9]. По замечанию В.В. Красных [2], объекты, способные в обыденных ситуациях становиться символами (т.е. искусственно созданными предметами), и призваны продемонстрировать проявление в культуре различных кодов. Так, крайняя бедность репрезентируется в говорах устойчивым сочетанием *ни чашки, ни ложки: Мы, два батрака, поженились – ни чашки, ни ложки*.

Каковы факторы, способствующие символизации элементов ПТ? Во-первых, значимо влияние времени. Элементы разной онтологии, достаточно поздно включенные в русскую ПТ, менее всего подвержены «обрастанию» новыми смыслами, оставаясь собственно фрагментами действительности с их прагматическими

функциями. Новое чаще всего осознается «чужим», находящимся в однородном, неструктурированном пространстве. Показательными в этом отношении становятся заимствованные из других национальных ПТ блюда. Несмотря даже на широкое распространение, ни сами вещи, ни их номинации не кодируют какие-либо ситуации, так как не выполняют символических функций: *Морковь вчера поджарили вместе с шашлыком; Ну, а с курей готовили так: лапшу готовили, плов делали с курятины*.

Во-вторых, культурные коды избирательны, вследствие чего однопорядковые сущности имеют различное наполнение вторичной семантикой (см. работы Т.В. Цивьян, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной, Ю.Д. Апресяна, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, З.И. Резановой и др.). Первичные элементы отбираются на основе не практического опыта, а «имманентного знания, исходящего из картины мира» [3. С. 44]. В результате код предполагает минимальный набор элементов, поскольку даже один способен обслуживать несколько смыслов, а один смысл может передаваться разными элементами. Чем большую значимость имеет тот или иной смысл, тем большее число элементов с ним связано и тем больший вес они приобретают.

На сегодняшний момент анализ ПК идет в двух направлениях. Первое связано с вещным уровнем кода, отражающим многие семиотические бинарные оппозиции. Оно реализуется в работах этнографов и этнолингвистов [7, 9–11]. Лингвокультурологи исследуют ПК на языковом уровне как совокупность имен и их сочетаний, считая его самостоятельной семиотической системой [12, 13] или разновидностью вещного (предметного) кода. Данные трактовки близки к понятию «пищевой» метафоры, которая реализуется, как правило, в сакральных текстах, паремиях, т.к. именно они обладают повышенной степенью символичности, или вторичной семантикой [14], а также в образном строе языка [13, 15].

Представляется, что ПК имеет гетерогенный характер. В его ядро входят элементы, функционирующие как на вещном, так и вербальном уровне кода. Периферия представлена элементами, релевантными только на одном из данных уровней.

Так, например, к ядерным элементам ПК относится зерно и зерновые изделия, плотно вошедшие в ткань славянской аграрной цивилизации. По мнению Т.В. Цивьян, в традиционной культуре существуют объекты, которые «почти теряют собственное значение и приобретают значимость и новые валентности в пределах иной системы, связанной непосредственно с моделью мира» [3. С. 10]. Если встать на данную точку зрения, хлеб – не столько повседневный пищевой продукт или его номинация, сколько символ пищи как таковой, сытости и благосостояния. В традиционной культуре он воспринимается как мерило ценностей, что отражено в паремиологическом (*И обед не обед, коли хлеба нет*) и фразеологическом фонде (*На берёзе калачи висят, на берёзе калачи искать*) ‘беззаботная, полная изобилия жизнь’: *Есть люди – щут калачи на берёзе*). При этом представление о голоде у народа связано с отсутствием хлеба, что подчеркивает внутренняя форма лексем *бесхлебица / бесхлебница: Был как-то*

один год, рано сеяли. Просто бесхлебица была. Жали в это время для пропитания. Указанная символика зерна (хлеба) – важнейшая составная часть многих разнородных по своей сути обрядов. В большинстве из них задействован вещный уровень ПК: *В новый дом зайти – хлеб и посудину с чем-нибудь занести, потом – кошку и остальное*. Но возможна и актуализация языкового уровня.

Например, обряд встречи – типичный обряд включения, цель которого обезопасить «свой» мир от чужака, приняв его и сделав «своим», называется «хлеб-соль». С другой стороны, данный обряд предполагает обязательное присутствие этих вещных сущностей: *Нас [из церкви] мама с отцом встречали. Этот, хлеб с солью, и ещё что-то на тарелке стоит. Полотенце, на полотенце хлеб, а на хлебе соль, солонка*. Порой дискурсивные данные не позволяют определить, соотносится ли номинация с предметами или с обрядом: *Начнут встречать молодых. Мать, отец, все – хлеб-соль, раньше всё по-старинному, икона*. В некоторых текстах заговоров хлеб-соль – это не только название предметов, но и собственно магическая словесная формула: *Надо беречься от сглазу. Бывает он у разных людей, злой глаз. Ещё бывало золотники ходят. Их заговаривать надо. Такая болезнь у женщин после родов бывает. Надо так говорить: «Золотник, золотник, не берись за живот, а берись за хлеб да соль»*. Когда роодишь, съешь хлеба с солью и заговор повтори. Стоит отметить, что хлеб-соль может выступать в качестве словесной формулы, представляя тот слой традиции, который примыкает к потчеванию как речевому жанру: *Хлебосольничать – это как заходят в избу, помолишься и говоришь: «Хлеб да соль»*. Они едят. Функция формулы хлеб-соль предстает амбивалентной: в приведенном тексте она является и приглашением, и благопожеланием.

Одним из важных черт ПК является его вариативность, проявляющаяся как на вещном, так и вербальном уровнях. Продемонстрируем это на элементе «блины». При том, что наименование блюда безвариантно, в говорах Среднего Приобья допускается вариативность номинаций обряда, связанного с одариванием молодоженов: *(блины, кидать (накидать) на блины, класть на блины, бросить (бросать) на блины, дать на блины, нести на блины): А на завтра утром блины у жениха; Невеста, значит, блины у ней, она даёт на закуску блины, а ей кладут на блины; А мы когда свадьбу издавали, нам на блины кто поросёнка, кто ягнёнка, кто курёнка нёс; Мама на блины нетеля дала*. Интересно, что вариативность отмечается не только на вербальном, но и на вещном уровне обряда. В Среднем Приобье элементами ПК, который функционировал на данном этапе свадьбы, могли быть не только блины, но и пироги², связанные с обрядом разрезания [16]: *Если я, например, больше всех бросила на свадебный пирог, я разрезаю пирог этот; На другой день молодухин пирог резали и кидали в него деньги. Все кидают, молодуха их собирает*.

Рассмотрим периферию ПК. Она представлена двумя ситуациями.

1. Языковая единица является строевым элементом вербального уровня ПК. Так, устойчивое сочетание

куска хлеба в большинстве текстов среднеобского дискурса имеет не прямое денотативное значение, а обозначает средства к существованию, в том числе и пропитанию: *Семь лет живём, куска хлеба нет; Он зарабатывать не умеет кусок хлеба; Был тиф, мать с отцом умерли, сёстры одни остались. А сёстры все себе пошли работать на кусок хлеба; Мой вот один [брат] на тринадцатом году и ходил по дворам – за кусок хлеба работал*. Тогда как сам кусок хлеба не имеет никакого символического значения (ср.: *Кусочек хлеба намажешь мёдом, а её сверху, и другим кусочком накроешь и съешь*).

Кроме того, единица кусок именно в переносном значении входит в широкий круг общерусских устойчивых сочетаний: *собирать куски, урвать кусок, сидеть на кусках, куски таскать, куса не доедать, перебиваться с куса на кусок, проносить кусок мимо рта, попрекать куском хлеба, последний кусок, кусок поперек горла, кусок в горло не идёт, кусок в горле застревает*. В словарях зафиксирована производная лексическая единица – *кусочничать* в значениях ‘побираться’ и ‘жадничать’. В среднеобских говорах функционирует собственно диалектное устойчивое выражение *кусок в пепел макать* ‘жить в крайней нужде, бедности’: *Не беспокойся, кусок в пепел буду макать, а детей не брошу*. Лексемы кусок, ломоть (‘кусок хлеба’) входят в состав идиоматических сочетаний *отрезанный ломоть, брошенный кусок*. Данные элементы ПК символизируют отделение человека от сообщества себе подобных: отчуждение его от семьи (*Я-то как отрезанный ломоть тут была*) или общины (*Она [пьяница] заболталась, и ни к нашим и ни к вашим. Вот и брошенный кусок*). Так, вещный уровень ПК, на котором, по данным этнографов [9], целый хлеб символизирует общее счастье группы, подтвержден и языковым его уровнем.

«Хлебные» единицы ПК могут кодировать конституцию человека, его «телесность». Красота и полнота символизируется разновидностью муки, а также теста (*Невеста аржана да сдобна, еслив она красива да полна была*); худоба – состоянием мучного изделия (*Сухарь-то какой, надо же. Нисколько не поправлется*); полнота и малоподвижность – состоянием теста (*Квашня – он раскиснет, как тесто*).

2. Элемент ПК может функционировать только на вещном его уровне. Например, пасха (паска), кулич, кутья и под. – ритуальные блюда, которые являются яркими маркерами сакрального времени: *На Пасху раз в год паску пекли. По-сечасному кулич, а у нас только паска; Я паски делаю. Помногу, штук по семь белышов-то, множество набыю. Узюмом обкладываю, конфетки, если есть; Да, надо всегда кутью на поминки; Кутью на поминки варят из риса и сахару*. При этом перечисленные номинации не развивают вторичного значения.

Таким образом, ПТ как культурное образование предстает размытой, нечеткой, тем не менее, она является фундаментом ПК. Он, в свою очередь, более узко реализует традицию, участвуя в создании новых координат этнокультурной картины мира. Проведенный анализ показал, что кодированию может подвергаться и в результате этого приобретать кодирующую функцию

любой элемент ПТ, играющий символическую роль. Ясно, что функциональная нагруженность элементов ПК различна. Более нагруженные элементы входят в ядро ПК, менее нагруженные – в периферию. Спорным остается вопрос о критериях этой нагруженности. В перспективе исследования представляется необходимым рассмотрение удельного веса всех элементов ПК.

Национальное мироощущение не тождественно мировоззрению, которое формируется общественными институтами и проявляется в философских, научных и

эстетических системах. Мироощущение – это уровень сознания, не отделенный от эмоций и привычек, именно оно и проявляется в системе кодов культуры. Специфика национального мироощущения обнаруживается не столько в произведениях элитарной культуры, прежде всего в языке посредством отбора объектов, их признаков, действий и т.д., ставших носителями культурных смыслов. Особенности представлений о мире связаны в том числе и со знаковыми системами, которые эти представления выражают.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Текстовые иллюстрации взяты из среднеобского диалектного архива кафедры русского языка ТГУ.

² *Молодухин пирог, невестин пирог, стряпкин пирог.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
2. Красных В.В. Предметный код культуры в русском культурном пространстве // Русистика на пороге XXI в.: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 146–148.
3. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005. 280 с.
4. Гудков Д.Б., Ковишова М.Л. Телесный код русской культуры: Материалы к словарю. М., 2007. 288 с.
5. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008. 528 с.
6. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. М., 2007. 600 с.
7. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. 240 с.
8. Гура А.В. Сакральное и секулярное в судьбах европейской цивилизации. СПб., 2005. 179 с.
9. Байбурун А.К. Обрядовое перераспределение доли у русских // Судьбы традиционной культуры: Сб. ст. и материалов памяти Ларисы Ивлевой. СПб., 1998. С. 78–82.
10. Седакова О.А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М., 2004. 320 с.
11. Бондарь Н.И. Семиотика традиционных гаданий: коды («языки») // Palaeoslavica. XII. 2004. № 1. С. 154–170.
12. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. М., 2005. 224 с.
13. Юрина Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. 2008. № 3. С. 83–94.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
15. Капелюшник Е.В. «Сладкое» в кулинарном коде культуры (на материале лексики образного семантического поля еда / пища) // Язык – текст – дискурс: традиции и новаторство: Материалы Междунар. науч. конф. Самара, 2009. 290 с.
16. Банкова Т.Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке // Вестник ТГУ. Бюллетень оперативной научной информации «Обрядовое слово как языковой и культурный феномен: статус и региональная специфика». 2006. № 112. Декабрь. С. 20–34.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 ноября 2009 г.